

Донская Летопись

№ 2

УДК 93
ББК 63.3
Д67

Д67 Донская летопись: № 2 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 376 с.

ISBN 978-5-519-19377-1

Издание Донской исторической комиссии, 1923 г.

ISBN 978-5-519-19377-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

РЕВОЛЮЦІЯ И ДОНСКІЕ КАЗАКИ.

(Историческій очеркъ.)

Глава I.

Донцы въ дни революціи на фронтѣ.

I.

„Мы желаемъ дышать свободно... Жить и чувствовать, какъ чувствовали и жили наши предки — давшіе Россіи Сибирь, Азовъ... Ермака Тимофеевича, Краснощекова, Платова, Бакланова... Создавшіе неприступные валы казачьей крѣпости, ограждавшіе Русь отъ вражескихъ ударовъ... Казачій разумъ, кованннй вѣками, выведетъ казачество на вѣрный путь. И будетъ Россія, но будетъ въ Россіи и казачество, а не Петербургская вотчина безъ права и лица.“

(Изъ рѣчи погибшаго поддесаула В. В. Пузанова на Войсковомъ Кругѣ).

II.

„Кто говоритъ, что мы опричники — лжетъ... Но кто хочетъ казаковъ втиснуть въ социалистическія оглобли и накинуть партійный хомутъ — тотъ жестоко ошибется... Казачество — внѣ партій, и въ этомъ его сила...“

(Изъ рѣчи М. П. Богаевского — на Большомъ Войсковомъ Кругѣ.)

I.

Революціонный переворотъ въ каждой казачьей части на фронтѣ былъ встрѣченъ съ тѣми или другими отгѣнками переживаній.

Въ каждой части «сверженіе Монархіи» переваривалось по своему, а затѣмъ — нервы успокоились, и наступили революціонные будни...

Каждая казачья часть имѣла въ эти дни свою революціонную «быль», незначительные эпизоды, увлеченія, ошибки, моменты революціоннаго угара или разочарованія.

Цѣль настоящаго очерка — не «сказанье о дняхъ былыхъ» каждой отдѣльной части, а суммированный выводъ общаго итога настроеній по отношеніи революцію и ея послѣдствій...

Къ моменту революціи на театрѣ военныхъ дѣйствій донскихъ казачьихъ частей было: 60 конныхъ полковъ (изъ нихъ два гвардейскихъ), 23 конныхъ батареи (одна гвардейская), одна пѣшая бригада и болѣе 100 «отдѣльныхъ» и «особыхъ» сотенъ.

Въ первые моменты по полученіи телеграммы объ отреченіи Государя Императора Николая II и передачи Престола Вел. Князю Михаилу Александровичу, — въ казачьихъ частяхъ чувствовалась нѣкоторая растерянность. . . Волновали вопросы, что будетъ дальше и какъ, при какихъ обстоятельствахъ произошло отреченіе . . . О событіяхъ въ Петроградѣ, переговорахъ Ставки съ Предсѣдателемъ Государственной Думы Родзянко — никто ничего не зналъ. . . Разговоровъ было много, предположеній еще больше. . . Притихли офицеры. . . Изъ тыла быстро проскочила телеграмма Бубликова, призывающая къ спокойствію и выполненію долга передъ Родиной и [Временнымъ Правительствомъ. . . Телеграмма] окончательно запутала положеніе. Кто такой Бубликовъ и почему онъ «призываетъ» къ «порядку», когда Престоль переданъ Вел. Князю Михаилу Александровичу — никто объяснить не могъ. . .

Не успѣли разобратъся, какъ пришло извѣщеніе объ отказѣ Вел. Князя вступить на Престоль. . . На фронтѣ впервые заговорили о «республикѣ» . . .

Быстрая смѣна событій . . . До казачьихъ частей дошли кой-какія свѣдѣнія. Эти свѣдѣнія, не совсѣмъ соответствующія дѣйствительности, — заставили считаться съ совершившимся фактомъ переворота . . .

Отреченіе Государя — опредѣлялось казаками, какъ свободное волеизъявленіе Царя, хотя и подъ давленіемъ Государственной Думы.

«Значитъ, такъ нужно» — рѣшили казаки — «тамъ знаютъ, что дѣлать» . . .

И страннымъ казалось, что въ эти историческія минуты о Царскомъ отреченіи говорилось мимоходомъ, безъ малѣйшаго интереса къ личности и судьбѣ Монарха.

Разговоры объ Учредительномъ Собраніи, о «волеизъявленіи народа» и о Временномъ Правительствѣ — ступевали и сдѣлали незамѣтнымъ послѣдній историческій жестъ Династіи — отказъ Великаго Князя отъ Престола. . . въ казачьихъ частяхъ наступило дѣловито-спокойное настроеніе. . . Казаки начали разцѣпывать случившееся, разсуждать о настоящемъ, прикидывать будущее. . . Офицерскій составъ старался подойти къ казакамъ, какъ можно ближе. . .

Казаки закидывали офицеровъ вопросами объ Учредительномъ Собраніи, о Временномъ Правительствѣ. . .

«Значитъ Наказныхъ Атамановъ больше не будетъ. . . А что тамъ у насъ на Дону дѣлается. . . Организуются станицы или нѣтъ?» — спрашивали казаки. . .

И общій выводъ былъ: «Казакамъ хуже не будетъ» . . .

Исторія дѣлала свое дѣло. . .

Съ Дона вѣстей не было . . . Стали выбирать въ «комитеты». Разростались революціонныя настроенія . . . Кое-гдѣ волна «свободы» — захлестнула и казачьи части. Появились красные банты.. но быстро и исчезли.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ митинговали и, въ повышенномъ настроеніи — нелюбимымъ офицерамъ, разцѣниваемымъ какъ придирчиво-строгимъ, выразивъ «недовѣріе», предложили удалиться изъ части. Этой же участи подверглись и тѣ офицеры, кто по мнѣнію казаковъ — «не соблюдалъ казачью копѣйку . . .»

Дни проходили минутами и также быстро развертывались событія . . .

Появился не имѣющій никакихъ оправданій для авторовъ приказъ N 1-й. «Декларация» правъ солдата вскружила голову и казакамъ. Нѣкоторымъ командирамъ частей было выражено «недовѣріе» и вмѣсто удаленныхъ были выбраны новые. Этотъ послѣдній актъ былъ на всѣ донскіе полки рѣдкимъ исключеніемъ.

Приказъ N 1-й и въ казачьихъ частяхъ произвелъ надломъ дисциплины. Появилась неказачья расхлябанность, неряшливое отданіе чести, но въ общемъ общій воинскій порядокъ не нарушался . . . И несмотря на сумбурное время, казаки свою связь съ офицерами не прерывали и въ офицерскихъ разъясненіяхъ искали откликъ своимъ переживаніямъ и «революционнымъ» сомнѣніямъ . . .

Офицерскій составъ, энергично работая, постепенно овладѣвалъ революционнымъ положеніемъ . . . Почти во всѣхъ частяхъ офицеры были избраны предсѣдателями полковыхъ и дивизионныхъ комитетовъ. Растерянности среди офицеровъ не было и въ противоположность офицерскому составу армейскихъ пѣхотныхъ частей, казачьи офицеры не уходили отъ массъ, не прятались въ собственную скорлупу разочарованій и сомнѣній, а вплотную подошли къ казакамъ, стараясь гдѣ сгладить революціонныя выпышки, а гдѣ и предотвратить первые симптомы возможнаго разложенія. Донскіе офицеры въ эти дни вписали въ исторію гибели русскаго государства красочную страницу исполненія долга и самоотверженности. И, дѣйствительно, стоило только среди казаковъ появиться кому-либо изъ профессиональныхъ агитаторовъ «Совета солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ», или агитатору со специфическимъ социалистическимъ направленіемъ, какъ неизмѣнно со стороны офицеровъ онъ встрѣчалъ горячаго противника и, благодаря остроумно задаваемымъ вопросамъ — въ области казачьяго быта — подъ хохотъ казаковъ, долженъ былъ быстро испаряться съ митинговаго поля.

Эта сомкнутость казачьихъ частей естественно не ускользнула отъ вниманія «партийныхъ дѣятелей». И всѣ усилія агитаторовъ были направлены къ тому, чтобы въ первую очередь подорвать довѣріе казаковъ къ своимъ офицерамъ и подчинить казачью массу своему вліянію.

Какіе только приемы не пускались въ ходъ, но къ чести казаковъ, эта агитация успѣха не имѣла.

Революційныя настроєнія въ арміи сгущались. Приказъ N 1-й — дѣлать свое дѣло... Начались глумленія, издѣвательства и грубыя насилія надъ офицерствомъ. Въ казачьихъ частяхъ въ этотъ періодъ — было спокойно. Казаки часто громко осуждали пѣхоту и, видя начинавшееся разложеніе, выказывали явное презрѣніе къ потерявшей голову солдатской толпѣ. И въ казачьихъ частяхъ въ дни офицерской травли съ подчеркнутымъ вниманіемъ относились къ своимъ офицерамъ.

Среди нагромождавшихся событій — въ арміи и внѣ ея — съ Дона пришли первыя свѣдѣнія о происшедшемъ въ Новочеркасскѣ.

Организованный на Дону «Донской Областной Исполнительный Комитетъ», разсматривался казаками какъ армейскій, фронтовой комитетъ. Интересовались почему «Областной», а не «Войсковой», но не сомнѣвались, что вся власть на Дону принадлежитъ «выборному» временному Атаману Войск. Старшинѣ Волошинову. Заинтересовались и личностью Волошинова. Разспрашивали о его служебномъ стажѣ, какой станицы и т. д. Но о новомъ Вр. Атаманѣ никто положительныхъ свѣдѣній въ полкахъ не имѣлъ. Было ясно, что Волошиновъ среди казаковъ атаманскимъ авторитетомъ пользоваться не будетъ, а когда отъ «батарейцевъ» начали въ полки проникать кой-какія свѣдѣнія о его стажѣ, а затѣмъ и данныя о томъ, что въ выборѣ Вр. Войскового Атамана станицы не участвовали — наступило разочарованіе.

«Это не порядокъ» — говорили казаки — «все Войско должно было выбирать. Неужели боевого генерала на все Войско не нашли. Кто онъ, чей — никто не знаетъ. Какой онъ Атаманъ...»

Желаніе видѣть во главѣ Войска «боевого генерала», довольно ярко выявило міросозерцаніе казаковъ и ихъ отношеніе и уваженіе къ своимъ боевымъ вождямъ.

Разочарованіе «атаманскимъ вопросомъ» — скрасило извѣстіе о созывѣ на 16 апрѣля Войскового Съѣзда. Настроєніе поднялось.

Съ первыми митинговыми криками: «безъ аннексій и контрибуцій», «долой войну», и все усиливавшейся большевической агитаціей представителей «Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ» — положеніе казачьихъ частей становилось съ каждымъ днемъ все затруднительнѣе.

На казачьи части было обращено особенное вниманіе «Совѣта солдат. и рабоч. депутатовъ». Одновременно съ усиленіемъ социалистическаго натиска, съ цѣлью избавленія казаковъ отъ офицерскаго вліянія и «ударныхъ выступленій» большевическихъ агитаторовъ, стремившихся во что бы то ни стало разложить «стойкія части арміи» — шла работа по натравливанію солдатскихъ массъ на казаковъ, какъ на послѣднюю крѣпость «буржуазіи и контръ-революціи».

Казаки чувствовали себя затерянными островками среди разбушевавшихся страстей революціонной черни.

Особенно въ тяжеломъ положеніи очутились полки, выполнявшіе назначеніе корпусной и дивизионной конницы, но еще тяжелѣе

было разбросаннымъ по всему фронту «отдѣльнымъ и особымъ сотнямъ» и незначительнымъ по своему составу конвоямъ при штабахъ армейскихъ корпусовъ и дивизій. Казачьи части, отданныя въ разпоряженіе пѣхоты, кромѣ службы охраны, связи и развѣдки — получали назначеніе нести еще и службу по борьбѣ съ дезертирствомъ. Это послѣднее назначеніе еще до революціи возстановило до нѣкоторой степени солдатъ противъ казаковъ. Усилившаяся же «борьба съ дезертирствомъ» послѣ переворота и участіе въ ней нѣкоторыхъ казачьихъ частей, послужили особенно для большевиковъ благодатной почвой для разжиганія страстей.

Казачьи дивизіи чувствовали себя болѣе обезпеченными отъ всякихъ случайностей и въ отношеніи «дивизій» — солдаты держали себя сдержанно-осторожно.

Подогрѣтые агитаціей, бывшіе солдаты великой русской арміи со злобой косились на казаковъ . . . И только животный страхъ сдерживалъ ихъ отъ выступленія съ оружіемъ въ рукахъ противъ казачьихъ частей . . . Все чаще по адресу казаковъ раздавались угрозы и упреки въ поддержкѣ не существующей «контръ-революціи» и «чаяній буржуазіи». Не былъ оставленъ въ покоѣ и казачій земельный вопросъ.

«Подождите, доберемся и до вашей землицы. Довольно попарствовали», — злобно бросали солдаты казакамъ . . .

Въ этой сгущенной атмосферѣ угрозъ, демагогіи и злобы, въ душѣ у «фронтниковъ» впервые пошатнулось довѣріе къ своимъ офицерамъ и закопошилась мысль найти такъ или иначе выходъ изъ создавшагося положенія. Возникли первыя сомнѣнія въ правѣ казачьяго самоопредѣленія, — въ законности съ революціонной точки зрѣнія казачьяго объединенія, самоорганизациі. Упреки въ участіи казаковъ въ «подавленіи беспорядковъ» въ 1905—1906 году были казаковъ по самому больному мѣсту ихъ воспоминаній.

Въ казачьихъ частяхъ возникла трагедія переживаній въ поискахъ правды, образовалась первая брешь въ казачьей идеологіи. И въ связи съ этимъ, появилось стремленіе доказать «революціонной демократіи», что они «фронтники» всецѣло съ революціей противъ какой-либо буржуазіи и готовы во имя приобщенія къ «демократіи» — безпощадно перевернуть весь свой казачій бытъ, все свои обычаи и традиціи. И среди казаковъ появились свои собственные социалисты — отдѣльныя группы, правда незначительныя, съ явнымъ уклономъ въ сторону социализма; и въ разныхъ углахъ фронта изъ казачьихъ частей на арену политическихъ страстей — вышли политическіе авантюристы: В. Ст. Мироновъ, В. Ст. Гнилорыбовъ, сотн. Смирновъ, сотн. Поповъ, сотн. Рожковъ, сотн. Запорожцевъ, Есауль Голубовъ, хор. Лапинъ, хор. Клунниковъ, прапорщики: Автономовъ, Мамоновъ, Кривошлыковъ, казаки: Подтелковъ, Скачковъ, Лагутинъ, Головачевъ, Воронковъ, Ковалевъ и др. — Они мучили казачью массу, смущали казачью душу. Ихъ преступная дѣятельность дорого обошлась Донскому казачеству. Изъ всѣхъ этихъ авантюристовъ въ настоящее время уцѣлѣли: Гнилорыбовъ, Мироновъ и Кова-

левъ,—остальныхъ покаралъ законъ возмездія и народный гнѣвъ въ дни отрезвленія «фронтвиковъ», и только хор. Лапинъ въ слободѣ Михайловкѣ въ періодъ раскаянія погибъ отъ руки большевически настроенныхъ крестьянъ, среди которыхъ онъ пользовался въ дни Калединской борьбы популярностью.

Тревожно было въ казачьихъ частяхъ, тревожно было и на душѣ казака. Но несмотря на всё переживанія, здоровое начало казачьяго чутья побѣдило и большинство казаковъ остались вѣрными законности, порядку и своей казачьей идеологіи.

Въ это тревожное время весьма значительную роль въ казачьемъ успокоеніи сыграла дѣятельность организованнаго въ Петроградѣ «Союза всѣхъ казачьихъ войскъ», подъ предсѣдательствомъ энергичнаго и далеко незауряднаго полковника Оренбургскаго войска А. И. Дутова, а затѣмъ и голосъ «общеказачьяго съѣзда» подъ предсѣдательствомъ М. П. Богаевского, созваннаго въ концѣ марта мѣсяца въ Петроградѣ.

Воззванія Союза и рѣшительныя его дѣйствія имѣли значеніе и въ казачье-солдатскихъ взаимоотношеніяхъ и они заставили солдатскую массу считаться съ казаками.

Солдаты злобно, но уже приниженно говорили: «казаковъ такъ просто не возьмешь . . .»

Постепенно началъ появлять себя и «казачій союзъ», организованный въ «Особой Арміи» подъ предсѣдательствомъ подьесаула Л. Гв. Казачьяго полка Черемшанскаго. Цѣль Союза, главнымъ образомъ, была парализовать социалистическую и большевическую агитацію и сплоченнымъ казачьимъ фронтомъ отражать всѣ натиски на казачество и удержать казаковъ отъ разложенія. Одновременно съ развитіемъ дѣятельности «союзовъ» въ казачьи части стали поступать воззванія и свѣдѣнія о работахъ «казачьяго союза», организованнаго въ Новочеркасскѣ. Казаки почувствовали подъ ногами почву. Первые ячейки казачьяго сплоченія создали равновѣсіе казачьяго большинства, вселили казакамъ увѣренность, что казаки выберутся такъ или иначе изъ омута революціонныхъ настроеній и противорѣчій. Даже въ малочисленныхъ казачьихъ частяхъ, разбросанныхъ среди пѣхоты наступило болѣе бодрое настроеніе.

Прошелъ мартъ мѣсяць. 16-го апрѣля въ Новочеркасскѣ былъ созванъ Войсковой Съѣздъ. Отъ В. Съѣзда ожидали многого, а главное передъ съѣздомъ была увѣренность, что на съѣздѣ примутъ участіе и представители фронта, но приглашенія не послѣдовало. Этимъ обстоятельствомъ сейчасъ же воспользовались свои и чужіе агитаторы. Они говорили казакамъ:

«Съ вами на Дону и не считаются. Старики да ваша буржуазія гнутъ свою линію. Они будутъ рѣшать, а вамъ предоставятъ право подчиниться. Это не Съѣздъ свободной демократіи, а буржуазная затѣя съ цѣлью обвести васъ вокругъ пальца . . .»

Хмурились казаки . . . Войсковой Съѣздъ въ ихъ глазахъ потерялъ цѣну. Агитація дѣлала свое дѣло. Она бросила первую искру будущаго раздора между «фронтвиками» и стариками, дала

первые ростки раздѣленія казачества на «фронтвиковъ» и «нефронтвиковъ». Фронтвики почувствовали себя обойденными.

Постановленіе Войскового Създа о созывѣ Войскового Круга на 26 мая, съ участіемъ делегатовъ отъ каждой отдѣльной части и предстоящіе выборы Войсковымъ Кругомъ Войскового Атамана, временно парализовало «углубленіе» раздѣла казаковъ на «фронтвиковъ» и «нефронтвиковъ».

* * *

Общее положеніе арміи, отношеніе къ казакамъ солдатской массы, оторванность казаковъ отъ своихъ станицъ, недовѣріе Временнаго Правительства и его фронтвыхъ комиссаровъ къ казакамъ, начинавшееся на фронтѣ «самоопредѣленіе народовъ» и работа большевиковъ — заставили казаковъ заговорить объ общемъ «казачьемъ създѣ». Мысль о «Създѣ» въ Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго была встрѣчена сочувственно, Временнымъ Правительствомъ не особенно доброжелательно. Со стороны же представителей социалистовъ и большевиковъ съ тайной надеждой — захвата фронтвого създа въ свои руки. Послѣ непродолжительныхъ заторовъ вопросъ о фронтвомъ създѣ былъ рѣшенъ положительно. Мѣстомъ създа намѣченъ былъ г. Кіевъ, такъ какъ большинство казачьихъ частей было сосредоточено на Юго-Западномъ фронтѣ.

Начались подготовительныя работы по созыву «създа» и выборовъ на Большой Войсковой Кругъ.

Сравнительно незамѣтно прошло время до созыва Б. В. Круга. На В. Кругъ большинство изъ «фронтвиковъ» подъ вліяніемъ не прекращавшейся агитаціи на «раздѣленіе» — отправились въ боевомъ настроеніи съ горделивымъ убѣжденіемъ, что они являются «солю земли» Донской, единственными представителями «чистой демократіи» и въ полномъ убѣжденіи, что всѣ рѣшенія Круга не только въ части донскихъ дѣлъ, но и въ общемъ государственномъ масштабѣ будутъ рѣшены такъ, какъ это пожелаютъ «фронтвики».)

Но несмотря на это, настроеніе «фронтвиковъ» — общая сводка «наказовъ делегатамъ» отъ частей говорила о томъ, что казачьи части еще морально тверды. Въ «наказахъ» красной нитью проходило: возвратъ къ своимъ искони «историческимъ обычаямъ» и укладу жизни, полное подчиненіе выборному Атаману, поддержка Временнаго Правительства, осужденіе развала фронта, твердое убѣжденіе въ томъ, что война будетъ доведена «до побѣднаго конца», какъ этого «требуетъ честь и достоинство Россіи» и какъ финалъ — созывъ Учредительнаго Собранія.

И, дѣйствительно, въ донскихъ частяхъ, несмотря на массу переживаній — душевную трагедію и даже потерю иногда полити-

1) Фронтвики на Войсковомъ Кругѣ сдѣлали неоднократныя попытки обособиться и играть роль. Но волна казачьихъ настроеній, общій подъемъ остальныхъ делегатовъ — отрезвляли „фронтвиковъ“. И большинство изъ нихъ, сбросивъ съ себя все „чужое“, наносное — вошло въ общую казачью семью.

ческаго равновѣся — здоровое начало патріотизма, государственнаго разума и чутья, чести и воинскаго порядка — преобладали надъ чувствами и движеніями общаго революціоннаго опьяненія.

Нужно было удивляться, какъ казаки при той энергичной атакѣ на «разложеніе», которая велась на казачьи части, держались.

Эта особая казачья выдержка и стойкость заставляли въ тревожныя минуты грозящаго самосуда или ожидавшихся революціонныхъ эксцессовъ, начиная отъ начальниковъ армейскихъ дивизій до командующихъ арміями и фронтовъ, — прибѣгать за помощью къ казачьимъ частямъ. Къ казачьему воздѣйствію прибѣгали неоднократно и комиссары Временнаго Правительства. И одно только появленіе казаковъ сдерживало солдатскую революціонную чернь. Правда, казаки чувствовали, что такое примѣненіе ихъ силъ ставитъ ихъ въ ложное положеніе, — осложняетъ и безъ того запутанное взаимоотношеніе съ пѣхотой, и, иногда, мялись, бурлили, волновались, — но, успокоившись, шли исполнять свой воинскій долгъ.

Въ маѣ мѣсяцъ 29 казачьихъ полковъ и около 30 отдѣльныхъ и особыхъ сотенъ были привлечены на борьбу съ дезертирствомъ и по охранѣ тыла армейскихъ районовъ. Казачьи части поддерживали порядокъ и на желѣзныхъ дорогахъ на протяженіи многихъ сотенъ верстъ. Казачьи офицеры, смѣнивъ армейскихъ офицеровъ, были назначены комендантами ближайшаго и дальняго тыла. Скромный казачій офицеръ, къ которому въ мирной обстановкѣ и въ дни «великой войны» начальство относилось свысока и пренебрежительно, въ тяжелые дни трагическихъ переживаній русской арміи, всталъ во весь свой ростъ.

Казачій офицеръ, безропотно стойко, и самоотверженно выполнялъ свой долгъ передъ родиной, и, въ то время, когда привилегированное офицерство за исключеніемъ немногихъ растерялось передъ революціонной чернью, казачій офицеръ, не потерявъ духовную связь съ подчиненными сталъ для того же начальства оплотомъ порядка, дисциплины и законности.

Въ іюнѣ мѣсяцъ на эту службу было привлечено уже 45 полковъ и до 65 сотенъ (преимущественно донскихъ). Такое усиленіе казачьими частями охраны тыла объясняется тѣмъ, что къ этому времени духъ разложенія коснулся и кавалерійскихъ полковъ и послѣдніе, теряя дисциплину и порядокъ, стали для службы по охранѣ порядка — безнадежны.

* * *

Въ іюнѣ мѣсяцъ кончилъ свои засѣданія Большой Войсковой Кругъ. Во главѣ Донскаго Войска сталъ первый выборный Войсковой Атаманъ, генералъ отъ кавалеріи А. М. Калединъ.

Имя А. М. Каледина широко было извѣстно въ арміи, особенно на Юго-Западномъ фронтѣ. Его избраніе было встрѣчено въ донскихъ частяхъ съ большимъ удовлетвореніемъ, среди «демокра-

тіи» весьма отрицательно, а Временнымъ Правительствомъ съ довольно изрядной долей боязни и недовѣрія. Съ избраніемъ А. М. Каледина революціонный натискъ на казачьи части усилился.

Имя А. М. Каледина для «демократіи» постепенно становилось все болѣе «одіознымъ» и неприемлемымъ. И казаки были взяты подъ «подозрѣніе» . . .

Огромное впечатлѣніе произвелъ какъ на «делегатовъ», такъ и на казачьи части, приказъ Большого Войскового Круга по отношенію 4-го Донского полка о непрекословномъ подчиненіи Временному Правительству и объ исключеніи всего состава полка изъ казачьяго сословія — въ случаѣ неисполненія приказа Войскового Круга и дальнѣйшаго поведенія, позорящаго казачье имя, а также предупрежденіе 1-му Донскому полку. 4-й и 1-й полки были, незадолго до революціи, отведены на отдыхъ въ Петроградъ. 4-й полкъ, подъ вліяніемъ большевистской агитаціи, находился въ состояніи полного разложенія. Это вліяніе начало проникать и въ 1-й полкъ. Войсковой Кругъ для всесторонняго разслѣдованія командировалъ специальную слѣдственную комиссію.

Рядъ рѣшительныхъ мѣръ, предпринятыхъ Войсковымъ Кругомъ отрезвилъ полки, а твердый курсъ Войскового Круга — заставилъ многихъ дѣятелей, стоявшихъ на большевистскомъ перепутьи, временно притаиться. Насколько предпринятая мѣры были дѣйствительны, показываетъ слѣдующій фактъ: во главѣ разрушительной работы въ 4-мъ полку стоялъ сотникъ Поповъ (онъ же делегатъ, на Войсковомъ Кругѣ отъ полка); послѣ Войскового Круга Поповъ рѣзко измѣнилъ линію поведенія, порвалъ съ большевиками и, возвратившись во главѣ полка на Донъ, съ разрѣшенія Атамана, началъ формировать партизанскій отрядъ, а затѣмъ подъ станціей Лихой смертью искупилъ свою вину передъ казачествомъ.

* * *

Въ іюлѣ мѣсяцѣ въ г. Киевѣ собрался «обще-казачій съѣздъ юго-западнаго фронта». На съѣздъ Б. В. Кругъ послалъ двухъ представителей: П. М. Агѣева и прапорщика Ф. Д. Назарова. Въ председатели Съѣзда были выдвинуты двѣ кандидатуры: П. М. Агѣева и прапорщика Назарова. Оба кандидата выступили на съѣздѣ съ обширнымъ изложеніемъ своихъ біографій, стараясь съѣзду доказать свою «демократичность». Предсѣдателемъ былъ избранъ П. М. Агѣевъ. Въ своемъ составѣ съѣздъ имѣлъ преобладающее число Донцовъ. Исторія не можетъ быть несправедливой, и нужно отдать должное П. М. Агѣеву. «Соціалистъ» Агѣевъ повелъ съѣздъ по казачьей дорогѣ и сразу парализовалъ стремленіе нѣкоторыхъ демагоговъ превратить засѣданіе съѣзда въ полубольшевическій митингъ.

Но минусъ Агѣева въ томъ, что на съѣздѣ при его участіи снова былъ поднятъ вопросъ о «фронтвикахъ» и не фронтвикахъ, а главное прошло какъ бы узаконенное раздѣленіе казаковъ на «трудо-выхъ» и «нетрудовыхъ». Къ «нетрудовымъ» прикрѣпили и «ка-

зачью буржуазію» . . . Была ли это умышленная подготовка П. М. Агѣва къ будущимъ своимъ социалистическимъ опытамъ надъ казачьей массой или случайность, но этотъ фактъ раздѣленія послѣ съѣзда продолжалъ углубляться, а затѣмъ на Дону вылился въ открытую форму нежеланія «трудовыхъ» казаковъ выступить на защиту Дона, и произвелъ въ станицахъ временный расколъ между стариками и «фронтовиками».

Казачьи резолюціи на обще-казачьемъ съѣздѣ не разошлись съ рѣшеніями Донского Большого Войскового Круга.

Также какъ и на В. Кругѣ казаками твердо былъ выдвигнутъ принципъ «законности и порядка», подчиненія и поддержки Временнаго Правительства, право казаковъ на самоуправленіе на основахъ своего историческаго прошлаго, вѣрность Россіи, осужденіе развала фронта и осужденіе дѣятельности «Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ», «война до побѣднаго конца» и «какъ вѣнецъ всѣхъ революціонныхъ стремленій — Учредительное Собраніе».

Ввиду особаго положенія казаковъ на фронтѣ, съѣздъ рѣшилъ потребовать для разрѣшенія всѣхъ фронтовыхъ дѣлъ и «охраны завоеваній революціи» (вѣрнѣе контроля надъ команднымъ составомъ), установленія должности казачьяго комиссара. Комиссаромъ юго-западнаго фронта былъ избранъ подтесаулъ Дон. Войска В. В. Шапкинъ.

На съѣздѣ выявилось и отношеніе къ А. М. Каледину. Съѣздъ по поводу выборовъ А. М. Каледина никакихъ особыхъ резолюцій не выносилъ, но общее настроеніе было таково, что выбранный Атаманъ старѣйшаго Войска сдѣлался центромъ вниманія и казачьихъ надеждъ и даже увѣренности что А. М. Калединъ найдетъ достойный путь, дабы вывести, не только донскихъ казаковъ, но и все казачество изъ тѣхъ сложныхъ и запутанныхъ обстоятельствъ, кои съ момента революціи были созданы во всей арміи и особенно тяжелыми оказались для казачьихъ частей.

Отношеніе съѣзда къ А. М. Каледину явилось какъ бы единымъ собраннымъ отголоскомъ казачьяго настроенія къ Донскому Атаману съ момента его выборовъ и до іюльскихъ дней собравшагося съѣзда.

За этотъ періодъ времени въ Донскихъ частяхъ имя А. М. Каледина служило какъ бы знаменемъ, около котораго Донское казачество должно объединиться. И чѣмъ тяжелѣе становилось на фронтѣ, тѣмъ чаще взоры Донцовъ устремлялись къ Дону, гдѣ правилъ первый выборный Атаманъ А. М. Калединъ. И какъ на съѣздѣ, въ Донскихъ полкахъ, принимая во вниманіе общую растерянность армейскаго начальства, всѣ надежды были связаны съ именемъ Атамана. Нерѣдко донскіе полки обращались къ своему Атаману за распоряженіями и разъясненіями, получаемые же отвѣты А. М. Каледина считались безапелляционными и безусловными къ исполненію. Характернымъ показателемъ авторитета А. М. Каледина является слѣдующій фактъ: въ августъ мѣсяцъ послѣ